

Цикл
Владимира Поселягина

ОФИЦЕР

Слово чести

Долг чести

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

ДОЛГ ЧЕСТИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П61

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Поселягин, Владимир Геннадьевич

П61 Долг чести : роман / Владимир Поселягин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 384 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-158499-3

Шанс. У каждого он свой. Вот и мне достался тот шанс, что я не ожидал получить. Шанс на месть. Иногда это такая малость, но в данном случае это стало смыслом жизни. Итак, бывший дворянин, бывший граф, бывший генерал, бывший муж и отец. Все бывший, но личность та же. И уж поверьте, виновные еще сильно пожалеют о том, что отдали приказ убить меня.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-158499-3

© Владимир Поселягин, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Я сидел за массивным столом у себя в кабинете в имении, что находилось в Швейцарии, и с некоторой рассеянностью изучал старинный пергамент. Сам стол был завален листами с моими записями. Был вечер, снаружи стемнело, но освещение я не включал, только настольный светильник. Правилось мне работать в полумраке.

Я задумался, анализируя то, что смог расшифровать в надписях и рисунках пергамента. Правда, додумать не успел, так как массивные двустворчатые двери неожиданно распахнулись, причем на удивление легко, несмотря на их вид, и в кабинет ворвалась, по-другому и не скажешь, моя супруга Анна. Кстати, выглядела она к своим пятидесяти семи вполне неплохо, от силы на сорок пять. Однако сейчас явно находилась в расстроенных чувствах. Несмотря на моду последних лет, где юбки стали чуть выше колен, она одевалась по старинке. Как двадцать лет назад. А сегодня за окном — начало лета сорок девятого года. Моя супруга считала открытую одежду уделом крестьян и работниц, дворяне так выглядеть не могут, они должны держать устаревший взгляд на многие вещи. Не скажу, что я ее поддерживал.

— Игорь! Ты знаешь, что Антанта напала на Россию?!

— Да, — коротко сообщил я, положив пергамент на стол и откинувшись на спинку кресла: поработать мне, похоже, уже не дадут. — Напали они сегодня с рассве-

том, введя в бой порядка двухсот дивизий, не считай авиационных частей.

Я уже год как отошел от дел, передав все дела нашему младшему сыну, но кое-какие связи у меня остались, так что уже через час с момента нападения я был осведомлен о случившемся.

— Я решил тебя не волновать, поэтому и не стал сообщать. Ты из-за этого так взволновалась?

Она, положив ладони на столешницу, несколько секунд пристально смотрела мне в глаза и, видимо, не найдя в них то, что желала увидеть, устало вздохнула и сказала:

— Сколько лет с тобой живу, но иногда не понимаю тебя, Игорь. Ты собираешься или нет помогать своей родине?

— Ты о России или о Швейцарии? У меня двойное гражданство. Да и, честно сказать, гражданство России по сути фикция, мне его подарили, я его не принимал.

— России! — прошипела зло Анна. — И не стоит строить идиота. Ты должен помочь Родине! Ты обязан снова надеть мундир и вступить в ряды защитников Отчизны!!!

— Как интересно... — Я сложил пальцы домиком перед собой, задумчиво изучая свою жену. Та снова открылась для меня в новой ипостаси. — У меня такое впечатление, что ты должна была родиться мальчиком, но по какой-то ошибке родилась девочкой. Откуда такой напор и уверенность в том, что я должен делать?

— Это твоя обязанность!

— М-да, упустил я тебя. Вместо того чтобы дергать в ежовых рукавицах, довел до того, что юбка стала командовать в доме. Скажи, когда это успело произойти?

— Но!..

— Может, мне напомнить тебе, что с правителем России я не общаюсь? — повысил я голос, перебивая супругу. — Я до сих пор не принял его свадьбу с Ольгой и не дал своего родительского благословения. Да и не спрашивал у меня его никто. И что я ему пообещал? Что больше ноги моей не будет в России.

— Но война — это совсем другое.

— Нет. Благополучие империи меня не волнует, — коротко ответил я и, достав спички, стал зажигать свечи канделябра, что стоял тут же на столе.

Электричество выключали не часто, но такое все же случалось, бывали перебои. В имении был свой дизель-генератор, но пока его не запустили, я использовал эти свечи. Однако сейчас они мне были нужны для другого.

— Но почему?! — воскликнула Анна, это явно был крик души. — Там наша дочь, внуки в конце концов!

— Не волнуйся, я уверен, что когда войска Антанты возьмут Петербург, их успеют эвакуировать.

— Я не знала, что мой муж — трус и подлец, — вырвалось у той.

Замерев, несколько секунд, не мигая, я пристально смотрел на нее. После чего произнес холодным тоном:

— Вот как, значит? Что ж, я отправлюсь на эту войну, подавись, и бумаги на развод подам сам.

Причина, по которой я не хотел участвовать в этой войне, была банальной: возраст. Мне было пятьдесят пять лет. Я младше жены, но это мало значило, воевать я не хотел, навоевался, а вот то, как Анна на меня давила, пусть на эмоциях, вот это уже чересчур, она переступила ту черту, переходить через которую явно не стоило.

У меня действительно было немало причин не участвовать в спасении России, возраст — одна из них, но все же не главная, я для своего возраста был в отлич-

ной форме. По сути это наша первая и последняя серьезная размолвка. От моих слов из нее как будто выпустили воздух, ноги подкосились, и она буквально рухнула на стул. Рот то открывался, то закрывался.

Сняв трубку телефона, я сказал:

— Зайди ко мне.

Положив трубку на место, услышал от супруги (надеюсь, вскоре бывшей, ничего, дети взрослые, думаю, примут это как данность):

— Игорь...

— Анна Петровна, не могли бы вы оставить меня, мне нужно подготовиться к отъезду, и видеть я вас не желаю. Мой адвокат свяжется с вами, как только документы по бракоразводному процессу будут подготовлены.

Тут в открытую дверь заглянул подросток в форме русского казака. Погон не было, он не состоял ни в каких частях, хотя и был сыном погибшего казака. Сирота, не дворянин. Я подобрал Ивана, когда ему было пять лет. Отголоски действий советской власти. Когда жандармы и войска стали чистить страну от бывших ее правителей из большевиков, щепки полетели изрядные, большевики так просто не сдавались, устраивали налеты, даже большими группами. Вот и станице, где проживала семья Ивана, не повезло. Вырезали всех. Банду покروшили с самолетов, но жителям станицы было от этого не легче.

Среди тех, кто работал в станице и наводил штурмовики на банду, был мой знакомый ротмистр. Увидев Ивана, он поразился нашей схожести и сообщил мне. Причина, почему я взял парнишку, была в том, что он был полной моей копией в детстве, можно было подумать, что это мой сын. Все так и думали, даже дражайшая супруга Анна, которая невзлюбила Ивана с первых дней, как я их познакомил. Хотя особо его и не

третировала. А я сделал его своим ординарцем и стал тренировать. Учил тому, что знал сам. Сейчас этот тринадцатилетний парнишка умел и знал многое. Вот и теперь, уважительно поклонившись Анне, он вопросительно посмотрел на меня.

— Приготовь машину и мои походные вещи с парадным мундиром. Едем на аэродром, потом летим в Россию.

— Есть. — Четко козырнув, он развернулся и скрылся.

— Игорь... — тихо сказала Анна, не отрывая взгляд с пола, но общаться я с ней не хотел, поэтому снова перебил, взяв пергамент со стола.

— Этому пергаменту почти триста лет. Жаль... — Поднеся уголок к огню свечи, я зажег пергамент и, держа в руке, смотрел, как тот горит, после чего, бросив остатки в пепельницу, наблюдал, как они догорают. — Этот пергамент принадлежал одному достаточно известному английскому пирату. На нем были зашифрованы координаты клада. Я месяц ломал шифр и хотел через пару месяцев с тобой отправиться на поиск сокровищ, а то почти год совместно не выезжали из имения надолго.

Сам я не курю и не разрешаю курить в своем кабинете, но пепельница нужна, я обычно сжигал в ней то, что мне не нужно. Сейчас все листы на столе я также поджигал от свечи и уничтожал все данные, что мне удалось добыть. Вызвав домоуправа, велел отвести супругу в ее спальню, мол, она в расстроенных чувствах.

Надо сказать, взбесила меня Анна очень серьезно, она действительно переступила черту, так что я решил последовать ее желаниям, но и свои требования выставить. На войну поеду, буду в третий раз спасать Россию, но и разойтись с ней тоже желаю серьезно и окончательно.

Похоже, Анна тоже все поняла. Дурой она не была и знала, что если я что-то решил, то не отступлюсь. Так что ушла смирно. Я же, открыв сейф и ящики стола, жег все что считал важным. В этот кабинет я уже не вернусь никогда. Имение останется Анне.

Все же она вышла меня проводить, но прощаться я не стал, даже не повернулся в ее сторону, сел в машину. Водитель — за рулем, Иван — рядом с ним, а я — сзади. Так и покинул территорию имения. Хотя местные почему-то называли мои земли виллой.

* * *

Открыв глаза, я посмотрел на пальцы, что были испачканы в пыли и в засохшей крови. Молодые пальцы, не мои. Кажется, я лежал на руке Ивана. Рука вытянута, тело я плохо чувствовал. Решив пошевелиться, с удивлением увидел, как шевелятся пальцы на руке. Ну-ка средней палец покажем. Странно, показывает, хотя это не моя рука, я ее не чувствую.

Уже утро было. Солнышко показалось над горизонтом. Сев, я с удивлением бегло осмотрел себя и обе руки. Одну не чувствую. Я ее банально отлежал, вторая в порядке. Сам я был в пыли и в засохшей крови, торс облегал ремни парашютной системы, купол лежал рядом. Я сидел на пыльной дороге, светало. И, кажется... я попал.

То, что я оказался в теле Ивана, моего ординара и денщика, все в одном флаконе, я уже смирился, а пока в памяти начало всплывать то, что произошло ночью. М-да, плохо было ночью. Ладно, чуть позже расскажу, а сейчас нужно прятаться: слышу приближающийся рев машины, откуда-то с низины доносится.

Вскочив (все точно, я был в теле Ивана, не ошибся), быстро смотал купол в комок, сунул в парашют-

ную сумку и быстрым шагом, на ходу осваивая свое новое тело, стал уходить прочь. Метрах в ста от меня была низина, заросшая кустарником, оттуда рев двигателя и доносился, туда же бежала и разбитая полевая дорога, а с трех других сторон — чистое поле, засеянное пшеницей. Хотя нет, это рожь. Вдалеке, на горизонте поднимается черный столб дыма от горевшей техники. Там упал мой личный самолет, думаю, вместе с моим прошлым телом.

Отбежав от дороги подальше, я лег во ржи, бросив рядом парашютную сумку. Не так и высоко она выросла, но все же скрыть мое новое тело смогла. Выглядываться я не стал, иначе сразу заметят, так что лежа стал пережидать, пока рев двигателя машины не станет удаляться и не стихнет вдали. По звуку это армейский грузовик. То, что это машина русской армии, я был уверен, да и по звуку опознал характерную работу двигателей московского автозавода братьев Игнатовых. Эту линейку двигателей на многие грузовики ставили, включая бронетранспортеры, так что какая машина прошла по дороге, оставалось только гадать. А причины прятаться у меня были. Вполне возможно, что это группа зачистки. Думаю, стоит прояснить ситуацию, в которой я оказался и к которой пока сам не знал, как относиться.

Перевернувшись на спину, я оторвал зеленый стебель и, покусывая его, рассматривая ярко-голубое небо, без единого облачка, размышлял. Два дня назад после размолвки с Анной, ночью я сорвался с места, и мы направились к центральному аэропорту, где в арендованном ангаре стоял мой личный самолет, «Дуглас» американской постройки, с отличным, дорогой выделкой салоном, представительского класса. Там и кухня была, и санузел с душевой, и диван, чтобы поспать.

Летал я сам, имел корочки пилота. Смог с одной дозаправкой, кружным путем через Финляндию добраться до столицы, сел на центральном аэродроме города, кстати, с заметными следами бомбежки: пожары были, самолеты Антанты бомбили город, хотя столицу прикрывали две истребительные авиадивизии и немало зенитных батарей.

Затем посетил императорский дворец, увидел кислую рожу императора Алексея (мне его видеть тоже не доставляло удовольствия) и получил разрешение вернуться из отставки. Я тут имел авторитет немалый по прошлым делам, так что многие генералы и адмиралы меня поздравляли. Паркетные шаркуны. Я хоть тоже вроде как числюсь за лейб-гвардией, но получил направление в армейские части, начальником разведки Западного фронта.

Дальше в Генштабе получил документы с назначением, успел выспаться в квартире старшего сына, с Ольгой пообщался, императрицей, получил полетные карты и ночью вылетел к штабу Западного фронта. И в пути меня атаковал истребитель-ночник. Ошибиться я не мог, силуэт характерный, новейший российский истребитель «АРТ-8». Их не поставляли на продажу, насыщали истребительные части. Название от создателя Андрея Романовича Туполева, отца-основателя истребительного воздушного флота Российской империи. Даже номер рассмотрел, «17». Наши меня сбили. Я успел передать Ивану приказ прыгать, мы оба парашюты перед вылетом надели, оборонительного вооружения на самолете не было. Потом очередь крупнокалиберных пулеметов прошла по кабине, и, уже умирая, я отпустил штурвал. А Иван, похоже, выпрыгнул. Вот такая история.

Хотя стоит упомянуть, что пока на аэродроме Цюриха готовили мой самолет, я успел написать

письмо своему адвокату, чтобы тот готовил документы к разводу. Отправил курьером. Утром должен был получить. Не люблю дела откладывать на потом, сразу все делаю. А сейчас уже плевать. Это все отголоски прошлой жизни. Я теперь — Иван Медведев. Забавно, раньше Волковым был, теперь Медведевым стал.

Рев двигателя уже стих, но стал нарастать другой, более мощный гул. Это уже авиация. Вскоре в зону моей видимости начали вползать высотные дальние бомбардировщики Антанты. Раньше я думал, что в прошлом теле сохранил хорошее зрение, но сейчас понял, что зрение у Ивана куда лучше. Самолеты шли на десяти тысячах примерно, а я спокойно их сосчитал. Сорок две единицы. Судя по маршруту, а штурман я неплохой, как и летчик, шли на Минск, скорее всего, бомбить транспортный железнодорожный узел. Я его уже пролетел, конечным маршрутом у меня была Варшава, где и располагался штаб фронта.

Задумчиво изучая бомбардировщики, я размышлял. Обидно, знаете, обидно. Сбил меня свой, это точно, и думаю, не случайно, скорее всего, по приказу. Знаете, мне уже на все плевать, и я решил, что сделаю все, но найду виновников и отомщу. Пусть я переселенец, раз занял тело Ивана, но это решение для меня твердое. Долг чести.

Куда делось сознание и душа мальчишки, не знаю, надеюсь, в раю ему будет хорошо, но я был доволен, что мне именно это тело досталось. Сам тренировал и знаю, чего от него ждать.

Сел и осмотрелся. Вокруг пустота, лишь вражеские бомбардировщики удалялись. Я решил выбираться к людям. Да и переодеться не мешало бы: форма была заскорузлой от грязи и крови. Задумчиво проведя ладонью по форме на груди, я замер, после чего, быстро

растегнув гимнастерку, стянул через голову и изучил пулевые отверстия на груди и спине. Вот оно как? Летчик расстрелял Ивана в воздухе. Скорее всего, купол рассмотрел и расстрелял. Быстро стянув окровавленную рубаху (кровь уже засохла и с хрустом отлипла от тела), я осмотрел торс. Несмотря на то что тело было испачкано кровью, ран я не обнаружил, даже следов.

— Вот оно как, — тихо прошептал я и с яростью, вскинув голову, заорал в пустоту: — Я отомщу!!!

Тут точно работали свои. Значит, кому-то было невыгодно, чтобы генерал граф Волков участвовал в этой войне. Что не удивительно, если вспомнить мои методы работы. Как многие говорили, хотя и за спиной, бесчестные. Даже Алексей в одну из встреч намекнул на это. Я же ответил ему, что мне важен результат, а как он был достигнут, неважно.

Мы тогда сильно с Алексеем поссорились, я прямо сказал, что, если бы не мои такие «бесчестные» методы ведения войны, свой трон он не получил бы. С тех пор Россию я не посещал больше пятнадцати лет. Да, не самые приятные воспоминания. Но ладно, это все прошлое. Война России с Антантой меня не волновала, Алексей сам затянул гайки и довел ситуацию до войны, а вот месть... Я только на одной злости и ненависти держался. Отомщу, клянусь! Для меня это действительно стало делом чести. Пусть в моем понимании, но все же.

Я уже морально, мысленно все осознал, цель всей душой и сознанием принял, так что будем работать. Пусть предатели содрогнутся, услышав только имя графа Волкова. Уж я-то им напомию.

Встав на ноги, я снова осмотрелся. Пока все тихо, хотя дым на горизонте и не думал спадать. То догорал мой эксклюзивный самолет. Три года мне служил,

как же я его любил. Дом на крыльях. Дальность полета благодаря увеличенным бакам на треть больше, чем у обычных машин этой марки. Я хотел гидросамолет взять, но все же на этой модели остановился из-за большой дальности, хотя на борту тоже удочки были: рыбачить я любил и люблю. А летал в разные страны часто, без самолета тут никуда.

Вот так, размышляя и горюя по-своему «Дугласу», я снова надел нательную рубашу и темно-синюю гимнастерку, застегнул поясной ремень, сдвинув небольшой кинжал, мой подарок, на живот (так удобнее), и стал изучать карманы. Не густо. Сорок семь швейцарских франков с мелочью (стоит напомнить, откуда мы прилетели) и семь рублей двенадцать копеек российскими деньгами, все монетами. Откуда рубли взялись, это я помню, сам отправлял Ивана в магазин за патронами к своему револьверу, выдав червонец. А чтобы ему продали, записку написал с просьбой к продавцу. Проблем не возникло. Две пачки купил, остальное — сдача.

Что еще в карманах было? На удивление, пусто, только монеты, две банкноты швейцарских франков и зажигалка, сделанная из патрона. Разбитые наручные часы (мой подарок на десятилетие), видимо, пулей зацепило, иголка с ниткой за воротником (учил Ивана не только я, но и охрана имения, старые казаки). Форма новой была, мелочовку Иван, видимо, не разложил, а старая в стирке. На ногах отличные яловые сапоги. Все остальное в самолете осталось, рюкзак и баул с моими и его вещами тоже.

Сапоги я оставляю, индивидуальный пошив, а остальное нужно менять. Купол парашюта из шелка продам, остальную одежду, постирав, несмотря на дыры, тоже. Из оружия только кинжал с лезвием в двадцать сантиметров, и все. Пока хватит, а там уйду